

ЛитРес:

Эллен Фоллен
Ellen Fallen

НАСТОЙЧИВЫЙ

Эллен Фоллен
Настойчивый

Серия «Неисправимые лжецы», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43474431

Настойчивый:

ISBN 978-5-5320-9549-6

Аннотация

Я прожил слишком мало, чтобы кидаться громкими словами о том, сколько всего мне пришлось пережить. Было тяжело терять любимых людей, еще сложнее не падать духом. Всё навалилось мгновенно, я будто погряз под руинами несбывшихся надежд, пытаюсь безрезультатно выкарабкаться. Но было ещё одно потерянное создание, нуждающееся в помощи больше меня. Единственным выходом для нас было погружение в эту боль. Мы позволили ей сокрушить нас, для того, чтобы у нас был шанс вернуться к нормальной жизни. Пройти рука об руку через тернии к звездам... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	60
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Эллен Фоллен

Настойчивый

Пролог

Кажется, еще вчера я стоял за стойкой в обычной бургерной, где моя одежда вечно пахла булками и жареными котлетами. Иногда от этого запаха тошнило, но мы очень хотели помочь Хантеру попасть в университет. Я всегда думаю, насколько судьба иронизирует над нами. С такой фамилией Кинги обязаны купаться в золоте и баксах, а мы никак не выберемся из дерьма. Хорошо еще, Хантер не понял, что деньги на учебу – наши. Мои, Чейза и мамы. Мистер Чемберс ничего нам не давал, пришлось прибегнуть к маленькой лжи во благо. Хант не поехал бы к Уиллоу, скажи мы ему, что выгребаем из дома все до последнего. И это хорошо спланированная акция доброй воли в благодарность ему за все, что он для нас сделал. Все-таки лучшее, что привили нам родители, – это любовь к семье. Нашей осиротевшей на одного человека, но очень дружной, любящей семье... С грустью я стараюсь выкинуть из головы воспоминания о нашем отце.

Теперь, спустя год, ресторан «Максимус» – и я его верный менеджер, белая наглаженная рубашка, подержанная машина и стабильные, но по большей степени платонические от-

ношения. Поцелуи, объятия, ну и хватит...

О чем я? Об отношениях, если их можно назвать таковыми. Эти бесконечные наезды моего старшего брата и его девушки к нам домой спровоцировали меня задуматься о постоянной партнерше. Если уж Хантер и Уиллоу вместе, чем я плох? В Карине я увидел в первую очередь человека без претензий, она не обижалась, не была навязчивой и не требовала лишнего. Раньше меня не особо заботило подобное, сейчас хотелось обычных человеческих отношений, с конфетным периодом. Немного напрягают походы по ночным клубам с девочками, потому что приходится врать ее отцу о местонахождении или, того хуже, ехать за ней. Хотя меня и это пока устраивает, я же еще не собираюсь жениться... Не на ней, по крайней мере...

Что еще? Практически завязал со спиртным, научился контролировать степень опьянения и уже не помню, когда в последний раз напивался в хлам. Я сам удивлен этим переменам. Стараюсь соответствовать новому статусу. Поправляю манжеты на рукавах и надеваю вельветовый пиджак на плечи. Отключаю свет в помещении и выхожу на улицу.

Шорох позади меня заставляет оглянуться и выставить одну руку вперед в защитном жесте. В крошечной темноте поздней ночи я вижу очертания сгорбившейся фигуры, спящей между мусорными баками. Вытаскиваю смартфон из кармана и включаю фонарь. Сначала я вижу белоснежную стройную ножку, вытянутую вдоль бордюра, она немно-

го согнута в колене, короткая юбка едва скрывает оголенные участки кожи. Затем длинная красная прядь волос, в голове сразу возникает образ, кто еще мог бы обладать этим телом, если бы не...

– Убери фонарик от моего лица, – невнятно выговаривает девушка.

– Что ты тут потеряла? – убираю фонарик, прежде заметив, что она почти голой пятой точкой сидит на грязном асфальте.

– Сегодня никто не тусует. Мне некуда идти, решила передохнуть. Эй, ты что делаешь? – Она тычет в меня пальцем, встает и пьяно шатается из стороны в сторону. Мне приходится держать ее крепко за руку.

– Помогаю тебе. – Понятия не имею, где ее черти носили, спиртным от нее несет так, словно ее окунули в бочку с дешевым виски. Девушка произносит что-то нечленораздельное и, споткнувшись, падает на потертую кожу автомобиля навзничь. Заталкиваю ее и с опаской захлопываю двери, все еще боясь того, что она двинется и тогда я переломаю ее длинные ноги.

– Не такая уж и пьяная, просто голова трещит. О, а ты симпатичный. – Девчонка приподнимается на сиденье, облокачивается на дверь и полностью разворачивается ко мне лицом.

Я улыбаюсь, вспоминая, какая она была злючая и как так вышло, что наши пути разошлись...

– Ты тоже не очень изменилась. Только память стала подводить, по всей видимости. – Ее внешний вид желает лучшего, но я тоже не был идеален в таком состоянии.

– Терренс Кинг? Да серьезно? Долбанный Терренс... заноза Кинг! – кричит она слишком громко.

– Он самый, детка, – сжимаю крепко руль и искренне улыбаюсь ее радости.

– Это же просто издевательство. Ты был потерянным щенком, когда мы встретились, и не давал мне прохода. Теперь я превратилась в этого щенка...

– Надеюсь, ты не станешь вешаться на меня, – шучу я.

– Да кому ты нужен, Терренс?! – Винни пьяно падает на сиденье сзади, откидывает голову назад и глубоко вдыхает воздух.

– Не блевать, детка. – Она резко делает выпад, и ее тело появляется между сидений.

Маленькая попка, облаченная в черные трусики, висит перед моим лицом, стоит мне немного придвинуться, и я окажусь между ее ног. Винни лезет через сиденья. Громко откашливаюсь и подталкиваю ее, чтобы она наконец прекращала вертеть передо мной этим местом. Винни ударяется головой в лобовое стекло, затем изгибается и плюхается на соседнее кресло. Я внимательно смотрю на ее растрепанные волосы, покрытую пыльными пятнами кофточку. Размазанная тушь, темные круги под глазами, губы, которые...

– Тебе Карина звонит. – Я с трудом отвлекаюсь от нее и

проворачиваю ключ зажигания. – Значит, есть подружка?

– Есть, – сухо отвечаю я, давя на педаль газа. – Я помню твой адрес, отвезу домой.

– Я больше не живу там, – девушка, прищуривает свои глаза. – Хорошо, что пароль все тот же... Я могу позвонить?

Она снова и снова скидывает вызов Карины, продолжает лазить в моем телефоне.

– Я вообще душка. Пароль менять не было надобности, его знала только ты, – она хмыкает, и я решаю добавить: – Ты его и поставила. Что с телефоном? – Она пожимает плечами. – Валяй звони. – Останавливаю машину на светофоре, делаю вид, что меня не интересует, с кем она говорит, не волнуют ее оголенные части тела, а также то, в каком она состоянии.

– Эй, Нокс, как насчет того, чтобы зависнуть у тебя? – дует на свою грязную ладонь, морщится и затем вытаскивает несколько подушечек «Орбит» из моего подлокотника. Я усмехаюсь ее наглости, не так много времени прошло, чтобы она настолько изменилась. – Окей, с тебя выпивка и номер. Скоро буду.

Сзади раздается пронзительный визг тормозов, звук сигнала, один, затем еще несколько.

– Похоже на съем. Ты продаешь себя, Винни? – у меня ком в горле застрял, а она засовывает в рот подушечки и громко хлопает надутым шаром жевательной резинки.

– Сделай мне одолжение, высади через улицу – и будешь

наслаждаться жизнью с Кариной. — Она отворачивается от меня.

— Я уверен, что могу помочь. Если ты позволишь... — останавливаю машину там, где она сказала. Двери все еще заблокированы, не знаю, как объяснить, но хочу, чтобы она еще раз подумала, прежде чем уйти от меня. Винни медленно оглядывается, в свете фонарей я отчетливо вижу ее впалые щеки, неаккуратный макияж и грусть в глазах. Улыбка едва касается ее пухлых губ, она, кажется, хочет остаться, но в этот момент в окно с той стороны стучат, и девушка мгновенно меняется в лице.

— Ты и тогда был уверен, что порознь нам будет лучше. Посмотри, в кого мы превратились? Одному из нас явно лучше. — Она самостоятельно снимает блокировку на двери и выходит из машины. В следующую секунду буквально падает в объятия мужика, который на вид старше нас лет на двадцать. Мужик годится ей в отцы. Нет, он не наркоман и не бомж. Нормальный папик, и это чертовски неприятно. Пара начинает двигаться по улице, а я все еще не могу взять себя в руки и унять мгновенно воспламенившиеся эмоции, те, которые, казалось мне, давно забыты.

Глава 1

Винни

Есть только один авторитет, все остальное идолопоклонство.

В детстве и подростковом возрасте мне доказывали, что целомудрие – это способ жизни. С рождения наша церковь и прихожане вводили в меня маленькие дозы обмана. Психологические схемы. По протоптанным еще до моего рождения дорожкам они внушали каждому, что делать нельзя. Существовал определенный свод правил, по которому мы обязаны жить. Шестьдесят три пункта запретов и причин, и все они с кровью моей матери проникли в меня, заставляя подчиняться. До определенного момента, пока я не выросла и не стала наступать на каноны, идти по каменистой дороге, усыпанной ложью, которой меня кормили. Пытаясь выживать, я отрицала любую свою причастность ко всем этим людям. Но все слишком сложно. Чем больше я сопротивлялась, тем сильнее меня окутывал мрак, погружал все дальше в пучину небытия. Как только моя скорлупа начала трескаться, я пробивалась всеми силами на свет, тщательно забывая о том, кем рождена и кто я есть.

– Ты слишком напряжена. – Даже не открывая глаз, я

знаю, в чьей постели нахожусь сегодня.

– Расслабься, Нокс, – привстаю на расстеленном диване, не прикрывая своей наготы, наливаю виски на два пальца и выпиваю до дна.

– Решила напиться с утра? – Я посылаю ему тяжелый взгляд, отчего мужчина тут же замолкает. – Хорошо, но ты, правда, иногда слишком налегаешь.

– Я могу уйти, – встаю с кровати и сладко потягиваюсь, привстав на носочки. Поднимаю со стула свои вещи, которые тщательно выстираны и высушены благодаря моей удачной ночевке.

– Не стоит, мы ведь еще не отдохнули после... – Я громко усмехаюсь, дарю ему хитрую улыбку, натягиваю на себя трусики. – После... хочу выразиться мягче... – его голос становится хриплым, отчего я прикусываю нижнюю губу.

– Того, как мы переспали, Нокс. Просто произнеси это слово, – раздраженно отзываюсь я, застегивая застёжку бюстгальтера на спине. – Мне интересно, как ты вообще женился и соблазнил ее, если постоянно стесняешься определений. Заниматься сексом, кувыркаться, долбиться, да этому есть миллион определений. – Алкоголь дает в голову, я чувствую приятное тепло, разливающееся по телу.

– Я решил развестись, – тихо говорит мужчина за моей спиной. – Больше не могу так. Я прихожу домой, и меня воротит от всего, что происходит. Моя жена смотрит на меня, и я постоянно себя удерживаю, чтобы вдруг не сболтнуть

ей лишнего. Не назвать ее твоим именем. Особенно сложно становится, когда я выпью, а делаю я это постоянно рядом с ней. Мне необходимо забыться в алкоголе или найти тебя, чтобы стало намного легче.

– *Есть только один авторитет, все остальное идолопоклонство...* – шепотом говорю я, напоминая себя в прошлом. Слова свидетелей нашей церкви крутятся у меня на языке, не позволяя забыться. Одевшись, но не застегивая до конца рубашку, я наливаю себе еще один бокал, теперь уже наполненный сверх меры, сверх того, что может выдержать мой организм.

Жидкость обжигает мое горло, вызывая рвотный рефлекс. Закрываю губы пальцами и глубоко дышу через нос, чтобы не выплеснуть все на человека, все еще стоящего рядом.

– Винни, – умоляюще шепчет он, – дай мне возможность помочь тебе. Я буду рядом.

В моей голове раздаются шипящие звуки поломанного радио, голос совести упрямо требует не обижать хорошего человека, а ненастоящая я твердит высказать ему все, что на самом деле думаю.

– Сколько тебе лет, Нокс? – беру из его протянутых рук лимон и откусываю кислый цитрус, разжевывая вместе с горьковатой кожицей.

– Пятьдесят в этом году, но это не может быть причиной того, что мы не можем быть вместе. – Он обматывается простыней и тщательно прикрывает свое натренированное тело,

кстати, ничем не хуже, чем у молодых. Нет этой возрастной обрюзглости или пятен, или что там бывает. Но, естественно, я не собираюсь связывать свою жизнь с ним. Горько усмехаюсь его попыткам закрепить простыню на бедрах.

– Ты полная моя противоположность, посмотри, весь интеллигентный и выглаженный, для меня ты ста... – В глаза бросается кожаное портмоне, и я замолкаю. У меня нет ни копейки денег, а искать нового спонсора, на это уйдет много времени. Нокс постоянно снимает номера для наших ночевок, по факту покупает меня. Противно, конечно, но молодые лезут под юбку, не заботясь о том, что тебе поесть нечего и спишь ты на картоне под открытым небом.

Рисковать не стала, спасибо по рукам не пошла. Конечно, по-своему аморально, но он один и при деньгах, а я не хочу подохнуть. Без него мне пришлось бы ютиться около мусорных баков, хотя и такое было.

– Я решу вопрос с жильем, на свое имя не могу снять на постоянной основе. Побудь у друзей некоторое время. Только не пей. Ты меня слышишь? – Мои глаза мечутся от прикроватной тумбочки к простыне на его теле.

Я не выберусь из этой ямы, сдохну, буду стерта с лица земли, но не выкарабкаюсь сама. Его телефон издает глухое треньканье, и я обращаю внимание на сообщение от дочери, которая, кстати, моего возраста.

– И выбирай компанию. Мне неприятно думать, что ты еще и с ними.

– Имеешь в виду парней? – выгибаю бровь. Кажется, он не собирается давать мне деньги, поэтому я подхожу к нему вплотную и нежно улыбаюсь. – Забудь о них, мы просто тусуемся. Кстати, этот номер на сколько дней снят?

– Только на эту ночь, у меня работы много, – отвечает он, я сжимаю зубы до скрипа и отталкиваю его руки.

– Кстати, о причинах, мешающих нам быть вместе. Эта... – киваю на его телефон, – эта, – указываю на его аккуратно сложенные вещи. – Раз уж мы поговорили... Ты же не против, – нагло беру портмоне и вытаскиваю все наличные, пересчитываю, слегка наклонив голову. Ну, на недельку хватит, если не тратить на всякую чушь и не поить дружков, что само по себе сложно.

– Я не разрешал, – строго отвечает он, встает, пытается забрать их у меня, но я швыряю в него пустое портмоне и резко сдергиваю простыню с его бедер. Пока он путается в тряпке, уверенной походкой направляюсь к двери. Это отвлечет его от гонки за мной.

– Да я не спрашивала разрешения. Считай, что заплатил за очередную ночь, – посылаю ему кривую ухмылку и захопываю за собой двери. Теперь уже быстрым шагом пересекаю лестничный проем и оказываюсь на улице. Лохмачу волосы. Солнце слепит глаза, и я тут же вижу парнишку, продающего дешевую подделку очков. Подхожу к нему и беру круглые в форме «базилио».

– Сколько? – Парень вертит в руках китайские палочки,

которыми собирается кушать.

– Пять. – Я не позволяю ему залезть в коробочку с лапшой, отбираю палочки и отдаю деньги. – Эй, ты чего?

– Да ладно тебе, все равно не умеешь ими пользоваться, – улыбаюсь ему на прощание, пока закручиваю волосы на макушке и закрепляю импровизированной китайской заколкой. Сворачиваю деньги в трубочку и отправляю в узкий карман джинсовой юбки.

Нокс – неплохой мужик, но по большей степени романтик и идеалист. Его отеческое отношение, сочетающееся с постоянным возбуждением, делает из него извращенца. Он же понимает, что в нем меня интересуют только деньги, и я довольствуюсь малым, то есть тем, что он мне предлагает. Я не спрашивала, кем он трудится, но мне кажется, вполне сошел бы за инженера. Миллионов не жду и, как он, в облаках не витаю. Оставить семью с двумя детьми, двадцать пять лет супружеской жизни коту под хвост, и все потому, что он сделал из меня идола? Тоже мне защитник.

Прохожу по закоулкам в ближайший супермаркет, рассматриваю витрины готовой еды, той, которую я могу съесть по пути. Чертовы сэндвичи уже стоят поперек горла, смотреть на них не могу. Сейчас я бы с удовольствием съела один из тех супов мачехи Уиллоу или тортик. Рот мгновенно наполняется слюной. Боже! Я так хочу, чтобы все они вернулись и я перестала перебиваться и искать выход из сложившейся ситуации. Сдерживаю навернувшиеся слезы. Не надо

об этом думать, все так, как должно быть.

Забираю с прилавка пару энергетических батончиков с кокосовой стружкой и диетическую колу, этого будет достаточно. Голова гудит от спиртного, которое я выпила. Оплачиваю свои покупки, снова ищу место, где смогу спокойно поесть. Рядом расположено кафе, но я там буду смотреться белой вороной, так как они все пялятся в свои смартфоны, а мой остался в доме матери. Выбора особо нет, и мне приходится сесть в летнем кафе. Разворачиваю батончик, уставившись невидящим взглядом в столешницу, капли воды от протирания покрыты дорожной пылью, следы от царапанья столовыми приборами и место прожига. Чем-то напоминает мою жизнь, если сделать дорожку от этого пятна к следам от ножа, мое рождение и смерть отца. Дальше едва заметный след прожженной ямки – это моя жизнь сейчас. И вот где-то между всем этим остались мои счастливые дни. Каких-то полтора года назад я еще испытывала надежду, но после отъезда Уиллоу я поняла, что падаю в жерло вулкана, мои пятки горели, когда ее родители уезжали, а дальше темнота. Я так хорошо помню день, когда получила документы принятия в университет, столько радости и счастья... Кокосовая стружка становится комом в моем горле, проталкиваю ее колой и откусываю снова.

– Эй, не подскажешь, сколько времени? – спрашиваю у первого встречного, проходящего мимо.

– Двенадцать тридцать.

Благодарю его, сворачиваю бумажки от батончика, допи-
ваю колу и выкидываю в урну.

Мать наверняка сейчас в церкви, ближайшее время ее не
должно быть дома. После той подработки у мистера Чембер-
са и увольнения она больше нигде не засветилась. Странно,
что вообще она пошла медсестрой, ведь, кроме чтения про-
поведей, ничего не умеет. У меня появляется надежда, что
могу забрать наконец кое-какие свои вещи. Может, даже по-
искать телефон и деньги, которые она тщательно перепрятала.
Я раньше не замечала, что мне тяжело без связи, но с мо-
мента моего скитания прошло уже столько времени, и нет,
меня никто не ищет. Те, кому я была небезразлична, ушли
в темноту.

Вдали появляется мой дом. Сколько раз я бежала к от-
цу по этой самой дороге, чтобы он меня встретил со шко-
лы, поднял на руки и закружил. Смахиваю слезу, прикрываю
глаза очками и оглядываюсь на дом моей подруги, в котором
теперь живут другие люди. Новая семья не менее счастливая,
чем та, что в нем жила. Маленькая светловолосая девчонка
играет на лужайке в окружении игрушек и машет мне, при-
ветствуя рукой. Я отвечаю ей и начинаю обходить мой дом.
На заднем дворе все еще осталась отмычка от моей оконной
рамы, ее найти не сможет никто, разве что мой папа, кото-
рый, кстати, и делал собственными руками этот хитрый эле-
мент замка. Спотыкаюсь об шланг и наступаю в лужу, види-
мо мать снова поливала свои цветы и кустарники. Намерен-

но наступаю на один из цветков королевской лилии и давл
лю ее, представляя, что это лицо моей матери. Бледные лепестки цветов тут же осыпаются, пока я пинаю куст, не в силах остановиться. Когда последние цветы опадают, я ломаю стебли и иду к окну своей комнаты. Под подоконником лежит маленький секрет, я поддеваю им замок, цепляю крючок и приоткрываю окно. Приподнявшись на руках, отталкиваюсь и залезаю в комнату. Задираю глаза к потолку и слушаю дыхание дома. Если бы я была Дином Кунсом, то описала бы затхлый запах, тяжелый воздух и гнетущую обстановку. Дом пропитан духом свидетелей, запретами и готов выгнать меня отсюда при первой возможности.

Хватаю рюкзак и запикиваю футболки, джинсы, пару платьев и кроссовки. Когда рюкзак готов порваться по швам, я оглядываю комнату в поисках телефона. Она ведь не оставит его здесь, так же как и деньги... Закидываю на спину рюкзак, затягиваю его спереди, чтобы было легче нести, и выхожу из комнаты в коридор. Тяжелое дыхание дома в какой-то момент издает скрип половиц, пол, на котором не осталось покрытия, выглядит обшарпанным и ветхим. Очень тихо я подхожу к двери ее комнаты и, словно в фильме ужаса, с содроганием сердца наблюдаю за тем, как ручка начинает двигаться из стороны в сторону.

Она дома! Она дома! Панический страх пронзает меня насквозь, хочу бежать отсюда, но ноги становятся ватными, и я не могу сдвинуться с места.

– Так-так-так, – хрипло произносит слова моя мать. – Ну и насколько тебе хватило самостоятельности? Выглядишь так, как я и говорила прихожанам, хлебнувшей дерьма сполна. Затасканной своими мужиками, мерзкой и безнравственной оборванкой, залезающей в дом через окна.

Ее худое лицо вытягивается, скулы заостряются, рот перекашивает, показывая несовершенные зубы. Я делаю шаг назад, прижимаю к груди веревки рюкзака.

– Телефон мой верни, – хрипло произношу я, голос осип при виде этой ведьмы.

– А ты его заработала? – повышает мать голос. – В том-то и дело. Ты ничего в этом мире не заслужила. Пока ходила в церковь, я могла еще оправдать твои поступки, а сейчас ты отродье Сатаны, лучше бы ты покинула нас.

– Просто отдай мне телефон, я больше не стану здесь появляться. – Она надвигается на меня, как охотник на затравленного зверька.

– Упрощаешь себе жизнь? Эгоистка, все проще, чем нести ответственность. Ты убила его... ты виновата во всем. Каждый проклятый день ты усложняла мне жизнь своим существованием. Ты портила все, что строилось не один год, – не унимается она, припирает меня к углу и четко проговаривает каждое слово мне в лицо.

– Я не делала этого. Именно ты виновата во всем. Я могла уехать в университет и учиться. Но ты и твоя чертова церковь запретили! Ты убиваешь нас! Боже! – я вскрикиваю,

когда она с силой бьет по моему лицу. – Хоть убей, но ты не скинешь с себя эту вину. Он мог быть жив по сей день, если бы ты позволила врачам помочь. Но ты отравлена своей верой, смертельно. – Она снова бьет меня, очки отлетают в сторону. Я все еще позволяю ее ударам сыпаться, пока не чувствую теплую жидкость, стекающую густой струйкой по моим губам.

– Ты сгниешь на улицах, сдохнешь, и я не стану хоронить тебя как верующего человека. Максимум, что тебе светит, – выгребная яма, куда тебя скинут как еще одну заблудшую душу. Все отвернулись от тебя, и самое время обратиться в веру! – орет она.

– Лучше бы ты сдохла вместо моего отца. Миллион раз я молилась, чтоб тот, в кого ты веришь, забрал тебя и отправил в преисподнюю. Там бы ты горела вечным пламенем в костре у чертей. – Мать хватает меня за волосы, выдирает палочки и больно дергает.

Ее звериный крик смешивается с моим страхом и болью, кулаки обрушиваются на мою голову, я оступаюсь об выступ и падаю на колени. Разъяренный кулак выбивает из меня воздух, тупой предмет бьет мне в скулу, и я слышу звон в ушах. Вздвизгиваю, но прихожу в себя от очередного толчка, соскакиваю на ноги и несусь к двери, размазывая холодный пот, смешанный с кровью. Деревянное полотно поддается, и ноги несут меня дальше от дома. Разрывающие внутренние рыдания все никак не выходят наружу. Спрятавшись в первом по-

павшемся переулке, я начинаю беззвучно плакать. Широко раскрыв рот, не могу произвести ни одного звука, мне давно пора уже научиться давать сдачи. Ударить в ответ, оттолкнуть, все что угодно, но не позволять ей уничтожать меня. Мечтаю плакать в голос, залить все слезами, дать уже своей боли и горю выход, но не могу. Хватаю воздух ртом и закрываю глаза.

– Папочка, милый, заberi меня к себе...

Глава 2

Терренс

Духовный блуд.

– Мам, мы сегодня все участвуем в ярмарке, если ты не забыла! – кричу я из кухни, заканчивая раскатывать тесто для очередного печенья.

– Я помню, сынок. Никак не могу найти свою сумку-холодильник! – кричит мама в ответ, перебивая играющую музыку.

– Я помогу, как разберусь с формочками для печенья, в духовке уже вторая партия печется, – мою руки и вытираю их об полотенце.

Сегодня мы собрались на ярмарку, которую устраивают городские власти. Все вырученные деньги будут отправлены на лечение больных сахарным диабетом. Участвовать в этом идея моя и Чейза. Мы видим, как наша мама постоянно борется с этой болезнью, и хотелось бы, чтобы у людей была возможность предупредить или выявить недуг на ранних стадиях.

Что-то омрачало мое приподнятое настроение. Вроде все на своих местах, тесто удалось, и погода на удивление нормальная. Выключаю музыку и понимаю, что я забыл выта-

щить из ванны младшего брата. Устало тру шею и спешно направляюсь к нему.

– Блин, – с горечью в голосе произношу я. – Прости меня, я совсем забыл, что ты здесь. Растяпа. – Вода в ванне давным-давно остыла.

– Да л-л-л-лад-дно, сам виноват, я же з-з-а-а-хотел принять ее не сидя ка-ак обычно, а л-л-лежа. – Посиневшие губы дрожат, его буквально трясет от холода. Подтягиваю Чейза под руки и вытаскиваю. – Т-трусы хорошо х-хоть не снял, а-а то б-был бы как н-нудист.

– Это ни фига не смешно, я не справляюсь! Понимаешь? Я не Хантер и не могу держать все в своей голове, еще и музыка не кстати. Ты даже не мог позвать, чтобы я тебя вытащил, – усаживаю его на край металлической ванны и активно растираю полотенцем. – Согреваешься?

– П-пойдет, – Чейз со своей любовью к молчанию меня убивает. – Придется убираться, п-прости.

Теперь я замечаю оборванный душевой шланг, занавеску и палку, которая противно скрипит под ногами, когда, нечаянно задев, я ее пинаю. Голова раскалывается. Это чувство, что я делаю все неправильно. Постоянно топчусь на месте и не могу никому помочь. Ни Чейзу, ни матери... Что за запах?

– М-мы горим? – Чейз тянет свои трусы с бедер, пока я помогаю ему привстать и сесть в инвалидную коляску. Швыряю в него еще одно полотенце и бегу на кухню, уже на-

полненную дымом. Комната наполняется сигналом противопожарной системы. Открываю нараспашку окно и выгоняю дым на улицу, пока нас всех не облило водой. Возвращаюсь к плите, совершенно не понимая, почему дым все еще валит. Открываю духовку, на противне долбанные печеньки для ярмарки горят синим пламенем. Швыряю их в раковину и заливаю из крана водой. Но слишком поздно. Три гудка, звук замолкает, и с потолка нашей обшарпанной кухни начинает лить дождь, поливающий все на свете. Тесто, оставшееся на столе, меня, заехавшего Чейза, обмотанного полотенцами, и удивленную Карину, появившуюся из неоткуда.

– Ого, у вас, кажется, потоп? – Я несколько удивлен тому, что она зашла в дом, ведь придерживался позиции, что все гости должны находиться на улице. Хотя бы потому, что дом не в том состоянии, чтобы показывать его каждому желающему, а напряженная обстановка внутри него тоже не делает нас гостеприимнее.

– Ты могла бы немного подождать снаружи? – резко отвечаю я, размахивая полотенцем и выгоняя своими хаотичными действиями Чейза. – Вали отсюда, чувак, надышишься, и мне придется тебя откачивать.

Чейз проезжает мимо Карины, та даже не поздоровалась, как и он с ней. Вряд ли эти двое начнут общаться. Чейзу принципиально не нравится моя подружка, он считает ее глупой. Или он просто противная задница и скучает по Хейли. Я знаю, что он все еще мечтает с ней встречаться, пока

Хейли со своими тараканами в голове держит его на расстоянии. А Карина не переносит моего брата на дух, потому что он слишком умный для нее. А мне не до их взаимоотношений, успеть бы вообще делать хоть что-то.

Мельком смотрю на настенные часы, обращаю внимание на корзинку, наполовину наполненную печеньем, и на угольки, хаотично разбросанные в раковине. Мама будет очень расстроена...

– Мам! – каким-то не своим голосом кричу я, напугав Карину, решившую наконец сбежать из этого хаоса. – Мам? Ты уже сделала укол?

Беспокойство, с которым я живу все это время, оставшись один на один с двумя заболевшими родными, накрывает приступом удушья. Швыряю полотенце и бегу в комнату мамы. Открываю двери, но ее нигде нет, все аккуратно лежит на своих местах, в том числе нетронутый шприц на кровати. Сердце мгновенно сжимается, я ударяюсь об дверной косяк плечом и заглядываю к Чейзу.

– Я не могу справиться с чистыми трусами, старые еле снял. Адская боль. – Взлохмаченные волосы, повсюду полотенца и ткань боксеров, натянутая до колен. Резким движением дергаю ее вверх, прикрываю его оголенные участки и заглядываю в кладовую, которая за смежной дверью комнаты моего брата. Но и она пустая. – Мама не приняла лекарство? – с волнением спрашивает брат.

– Нет, – резко отвечаю я и бегу к лестнице, ведущей на

чердак. Она точно там, ведь сумка находилась наверху. – Мам!.. – кричу я. – Мам, ну пожалуйста, скажи хоть слово, – приоткрываю крышку и кричу не своим голосом: – Чейз, вызывай девять один один.

* * *

– Ваша мама останется в больнице. У нее было резкое снижение сахара в крови. Я бы даже сказал его отсутствие. И в данный момент она в гипогликемической коме. – Врач треплет меня по плечу, как только я закрываю лицо ладонями, провожу ими по голове.

– Она будет жить? – спрашиваю осипшим голосом.

– Все, что могу сказать, вам показана госпитализация, и чем дольше человек находился бы в таком состоянии, тем больше шанс летального исхода от гипоксии мозга. То есть резкое снижение сахара, и мозг не получает все те вещества, которые ему нужны. Происходит отмирание клеток мозга, – говорит врач, здоровается с проходящим мимо коллегой.

– Ничего не было. Она чувствовала себя нормально, никакого запаха ацетона. Она опоздала сделать укол, буквально десять минут. Мы пекли печенье для... извините, – понимаю, что задерживаю человека и все, что он знает, уже сказал. – У меня там брат дома остался в инвалидной коляске, и завтра на работу. Растерялся, не сообразил, где она. Не уследил. Вы, должно быть, думаете, я идиот.

– В ближайшее время мы выясним, каковы шансы вашей мамы. В данный момент она не будет нуждаться в вас, так как находится под нашим наблюдением. Решайте свои проблемы. И не вините себя, это все развивалось не один день. То, что она опоздала на несколько минут, ничего не решало. Тут скорее метод накопления. Только время расставит все по своим местам, мы поймем степень поражения. И главное, поймите, сахарный диабет очень коварный, ни от кого из нас не зависит исход. Все может произойти мгновенно, и чувство вины – последнее, что должно вас посещать. Всего хорошего. – Врач пожимает мою руку и уходит в глубину коридоров.

В каком-то ступоре я покидаю больницу, оставив там самую любимую женщину в мире – мою маму. Почему-то в такие моменты приходят самые светлые мысли, которые тревожат душу. Начинаешь вспоминать, как она носилась с нами, подкидывала в воздух, а мы парили, как птицы. Ведь тогда ни один из нас не думал о том, как близко подбирается к ней болезнь. Весь этот стресс, пережитый ею после смерти отца, так сильно отразился на ней. Могли ли мы сделать что-то для нее тогда? Помочь преодолеть препятствия?

Когда Хантер уехал, я попросил маму оставить работу и находиться дома. Она переживала за меня, что вымотаюсь работать на двух работах и тащить их с братом. Но у меня не было даже мысли позвонить Хантеру и попросить помощи. У него учеба, и он действительно старается, чтобы выбиться в люди. Им с Уиллоу сейчас, наверное, немного проще, ведь

каждый месяц на мой счет поступают небольшие деньги, которые мы тратим на лекарство мамы и Чейза.

Видит Господь, я пытаюсь не опустить руки и дальше пробиваться в жизни. Уже некоторое время работаю на хорошей должности, и проблема денег практически исчезла. Конечно, еще нет возможности сделать ремонт во всем доме, так же как и поменять окна. Но я стремлюсь к этому. Приобрел светильники и мебель по ее вкусу. Все, как она мечтала. Отпуск у меня ушел на то, чтобы содрать напольную доску во всем доме и застелить паркетом. Это было сделано для того, чтобы Чейз, передвигаясь на ходунках, не цеплялся за половики, которые закрывали прогнившие доски. Теперь не надо переживать.

Движения, безусловно, есть, но не мгновенные. Все, о чем я мечтаю, чтобы с родными все было хорошо. Телефон звонит в заднем кармане, я вытаскиваю его и отвечаю.

– Тер, это Хейли. Как вы там? – Остановившись у скамьи, я устало сажусь.

– Ты даже не представляешь, как я рад тебя слышать, Хейлз. Скажи мне, что ты возвращаешься? – вытягиваю свободную руку перед собой и вижу, как она трясется. – Я не выгребаяю. Чувствую себя полным неудачником. Мама в больнице. Забыл Чейза в ванне, он там замерз. Печенье и прочая хрень. Просто жопа какая-то.

– Ну, это действительно фигово. Она будет в порядке? По поводу Чейза, натри его мазью, которую я оставила в холо-

дильнике. Она хорошо ему помогала расслабить мышцы, он наверняка из вредности не сказал тебе о ней. Сколько ее надо, я пришлю, только делай это каждый день. – Она вздыхает. – Я застряла здесь с этим козлом как минимум на полгода.

– Болезнь не исчезает, но она будет в порядке, ради себя. Знаю, что ты не обязана помогать. Не знаю, что между вами происходит, но он расстроен. Блин, мне не стоит лезть в ваши дела... – растираю интенсивно свои колени. – Ладно, каждый день мазь.

– Тебе бы нанять ему сиделку. То, что происходит между мной и Чейзом, тебя не касается. Просто есть вещи, которые невозможно объяснить. Давай я пришлю деньги, найди ему человека, чтобы ухаживал, пока ты на работе. Чувствительность в ногах есть и еще кое в чем, уж поверь мне на слово. Но ты не можешь забыть его в ванной, так как это затормозит процесс. Зарядка, и заставляй передвигать ногами. Все это ты не сможешь контролировать сам. Тебе нужна помощь, – убеждает меня девушка.

– Ты сегодня уже второй человек, говорящий мне о том, что я несовершеннолетний. Не такой, каким был Хантер. – Меня немного злит их такое мнение. Я ведь выбиваюсь из сил и стараюсь.

– Тер, дело не в Хантере и не в тебе. Если сравнить ваши ситуации, то именно ты попал в тупик. Когда он заботился о вас, вы подрабатывали, мама тоже. И никто не болел, ну, по крайней мере вы не знали. Ты знаешь меня, я всегда ска-

жу правду. У тебя разрушенный дом, больная мать и практически неходячий брат. У Хантера этого не было, именно поэтому он мог погрузиться в чувства и спокойно покинуть дом, зная, что на тебя можно положиться. Ты защитник, Тер, опора, стена, иначе не умеешь. – Я люблю эту девчонку. Вот кто бы сказал, что Хейли станет такой для меня родной. – Только не говори мне, что выходит иначе, потому что твое пессимистическое дерьмо заразно.

– Смешно, мерзавка. Так что ты там говорила? Любишь моего брата? Я так и передам. – На моем лице наконец появляется грустная улыбка, когда она начинает отрицать. – Ладно, возвращайся из своей Танзании, или где ты там. И пиши ему, иначе он скоро будет выть на луну.

– Придурок, – смеется она. – Спишемся.

Как только связь обрывается, я начинаю крутить в руках телефон, размышляя, стоит ли позвонить Хантеру? Или повременить, когда состояние мамы стабилизируется? Мой старший брат из тех людей, которые бросают все и едут туда, где человеку плохо. Но сейчас как раз начинаются экзамены, и он запросто завалит их. Тогда к чему все эти потуги? Блин, я начал размышлять как мой отец, тот тоже считал, что надо просто переждать и потом уже на свежую голову спокойно, без скачков и нервов, рассказать все как есть.

Встаю со скамьи и иду к парковке. Вот еще одна моя промашка. Я забыл о моей девушке, сидящей в машине и ожидающей меня. Карина усиленно красит губы розовой помадой,

ся за рулем. Открывая двери, я ожидаю, что она накинется на меня с обвинениями, но Карина молчит. Машина трогается, я оглядываюсь и замечаю коробку, обмотанную лентой.

– Прости, что так вышло с ярмаркой. Я помню, что у твоей подруги день рождения и ты хотела ее поздравить до мероприятия. – На самом деле нет, я не помнил, но коробка помогла.

– Да все нормально, оказывается, ей нельзя принимать подарки и устраивать праздники. Мы немного повздорили на этом фоне. – Карина надевает солнечные очки и уверенно ведет машину.

– Нельзя? Или она не хочет? – неуверенно спрашиваю ее.

– Она ходит в церковь свидетелей Иеговы. Им нельзя отмечать праздники, их нельзя поздравлять. Это вроде самообожествления. Когда я предложила хотя бы поехать на ярмарку с нами, она сказала, что это *духовный блуд*. – Девушка бьет своими ноготками по кожаному рулю. – Как можно было за такой короткий период измениться, не понимаю.

– То есть она самоудовлетворяться тоже не может? – получаю толчок в плечо и смеюсь. – Ну, это похоже на секту.

– Серьезную причем. Там такой свод правил, что если, не дай бог, ты заболеешь и тебе понадобится серьезная помощь, духовной блуд – это ерунда. – Я снова оглядываюсь на подарок.

– И что там? Надеюсь, не щенок, он уже давно мог задохнуться, – перегибаюсь и тяну коробку на себя. – Ох, да она

тяжелая.

– Тер, это массажер. – Я приподнимаю брови. – Не смей этого говорить.

– Для девчачьих игр? Не тяжеловат? – приподнимаю крышку, и у меня мгновенно проносится мысль в голове. – Гантели? Карина, это не массажер. А ты их теперь назад в магазин сдать можешь?

– Нет, конечно, кто их примет? Ну, даже гантели, все равно ведь массируют мышцы рук. – Я ненавижу, когда она так жестко тупит, хочется настучать ей по лбу толковым словарем, а в данном случае еще и «массажером». – Да отдала всего двадцатку, не страшно. Выкину.

– Я куплю, – достаю из портмоне деньги и кладу на консоль, девушка хмыкает и пожимает плечами.

– Ну ладно, как хочешь. – Мы подъезжаем к дому, и я напрягаюсь, ожидая всего чего угодно. Разрушенной крыши, потекших труб и вздувшихся полов. Но никаких признаков не вижу, разве только одинокую темную макушку в саду.

– Ладно, спасибо, что подвезла. – Она непонимающе уставилась на меня. – Я нужен брату, извини. Давай в другой раз?

Девушка явно недовольна такой перспективой, но и я ничего особенного не обещал. Мы с ней вместе всего ничего.

Хватаю коробку с гантелями и иду по тропинке, ведущей в самое любимое наше место с детства. Инвалидная коляска, в которой сидит Чейз спиной ко мне, и радуга в небе, та, которую делает преломление света от полива пионов моей

мамы.

– Эй, ты как? Ты не виноват! – Ярко-голубые глаза брата внимательно смотрят на меня, покрасневшие губы и опухший нос выдают его с потрохами. – Мама будет в порядке. Ты прости меня.

Сажусь рядом с ним и смотрю, как опрыскиватели разбирают маленькие фонтаны капель.

– Я не хочу доставлять вам проблемы. Но чувствую себя ничтожеством, неспособным позаботиться о себе, не то что о вас. – Я обнимаю его так крепко, что слышу, как трещат его кости, хлопаю по спине.

– Ты самый лучший и обязан знать об этом, даже когда мне кажется, что все вокруг против меня, я думаю о том, что у меня есть ты и Хант. – Брат обнимает меня в ответ, и я делаю глубокий вдох. Скорее бы уже все встало на свои места.

Глава 3

Винни

Ложное поклонение.

Шумная компания моей знакомой Рене шатается по комнатам ее дома и намеренно разрушает все, что приобрели ее родители. Я сижу в одном из кресел, пока ребята, собравшиеся около окна по кругу, передают косяк. Сладковатый дым дурманит разум, ужасное решение, о котором они завтра пожалеют. Не лучшее сочетание алкоголя и травки, им кажется, что у них есть дополнительные легкие и мозги. Сидят себе, никакого напряжения, будто они не видят друг друга. Парень подносит мне открытую бутылку пива, позабыв о брезгливости, я приближаю к губам, делаю жадный глоток. Трудно сосредоточиться, когда ты сидишь в сером тумане. Как Алиса в Стране чудес, я плыву по облакам, пока рядом со мной не оказывается толстая гусеница.

– Вин, дай мне, присосалась. – Рене толкает мой локоть, из-за этого моя рука срывается с подлокотника и свободно повисает. Я опускаю взгляд себе под ноги, и все начинает расползаться в разные стороны.

– Что ты положила в бутылку? Ощущение такое, словно моя душа вышла из тела и находится где-то рядом, – меня

срубает моментально, открываю лениво глаза, поворачиваю голову к ней и вижу ее улыбку.

– Что-то интересное. Но, блин, ребята знают, что она без-
опасная. – Я разгоняю дым рукой, но получается очень пло-
хо, у меня явно замедленная реакция. – Помнишь, я расска-
зывала про кристаллы? От них башка болит, а эта субстан-
ция содержит активные ингредиенты. Прикольно, да?

Трясу головой из стороны в сторону, перед глазами все
плывет, моргаю, но ничего не помогает. Поэтому я отда-
юсь действию этой синтетической дряни и просто, развалив-
шись, сижу в кресле.

– Вин, ты пила до этого? – слышу голос девушки где-то
сверху, руки прикасаются к моей голове, погружаются в во-
лосы и нежно массируют кожу.

– Да, – сипло отвечаю я, – джин, который стоит на кухне.
Откуда ты так хорошо знаешь химию? – в дурмане спраши-
ваю я.

– Ржач, с ней сейчас можно сделать все что угодно. Не ту-
пи, я ее не знаю, я ее курю и пью, – обволакивает громкий
противный смех. – Так, подруга, давай-ка облокотись на ме-
ня, пойдем в мою комнату. Иначе эти дикари поимеют тебя,
завтра будет гадко и мерзко. – Меня подталкивают под ло-
коть, наваливаюсь телом на девушку и еле перебираю нога-
ми.

– И сколько это действует? Мне уже гадко и мерзко, –
мямлю я.

– Блин, ну час. Может, два. Я еще сама не знаю, что это за муть. Но давай запрем тебя. – Рене тяжело дышит, я стараюсь ей помочь сделать все проще, но тело до смешного превратилось в вату. Это такая сладкая ерунда на палочке, которая тает, как только мои пальцы прикасаются к ней.

Толчок, и я снова в мягком облаке, поворачиваюсь на бок и подкладываю руки под голову. Слышу собственное дыхание, оно шумом отражается в моей пустой голове. Грудная клетка напряженно хватает воздух, выталкивает мерзость, которую я скопила в себе за этот период. Я повисла на ниточке, покачиваясь на толстых проводах своей совести и нравственности. Где сейчас моя душа? Возможно, она давным-давно покинула мое тело и отказалась от меня, как религия, свидетели, мать и все окружение. Я жду помощи, человека, не позволяющего делать все это со своим телом. Удар судьбы уже был, а как же сладкая пилюля, успокоительное, долбаный бальзам?

Поворачиваюсь на бок, когда к горлу подкатывает рвота, перекидываюсь через край, наверное, кровати и извергаю все, что накопилось. Нос захлебывается в горькой жидкости, выпитой до этого, но непереработанной. Темная вода моей гнилой души. Неверующая, предательница, изгой...

– Винни, ты как? – Мое тело начинает гореть пламенем, одежда душит, начинаю расстегивать джинсовую юбку, мой долбаный протест свидетелям, только юбки на вечеринки, то, чего мне не разрешает делать религия. Стаскиваю ее с

себя, следом летит кофта, и я сажусь на кровати. Я как на скоростном поезде: остановки мелькают перед глазами, и он все никак не остановится.

– На, выпей колу, все нормально. Кофеин поможет.

Я делаю, как предлагает Рене, и снова ложусь на кровать. Мягкое тело, лежащее рядом со мной, придвигается ближе и обнимает меня своей прохладной рукой поперек голого живота.

– Я так хочу от тебя особенный подарок. – Не размыкая глаз, чувствую ласковые движения ее рук на моем теле. Легкий запах ее крема для тела, удушливая сладость, смешанная с весенними цветами. По телу прокатывается волна негодования.

– Я не могу дарить подарки, – хриплю я надорванным горлом. – День рождения – это *ложное поклонение*. Я даже отмечать не могу.

– Даже так? А если я поздравлю себя сама? – Нежные женские губы касаются моей щеки, я приоткрываю рот и хватаю воздух.

Ласковый поцелуй в мои губы, мягкий язычок проникает в мой рот, и я отвечаю, как если бы на ее месте был мужчина. Из горла Рене вырывается стон, и мы прижимаемся друг к другу. Я облизываю ее, как сладкую конфету, задерживаю дыхание, чтобы глотнуть воздух и снова пуститься во все тяжкие. Мозг орет все то, что мне вбивали, он сводит меня с ума, бесконечно повторяя одно и то же.

– Языческий обычай, поедание крови, загрязнение разума, самообожествление, предотвращение зачатия, грех, пустая трата времени, злоупотребление телом, сатанинское дело, неуважение и соблазны, – громко повторяю я все то, что кричит мне мой разум, не позволяя опуститься на самое дно.

Отталкиваю девушку и встаю от прилива адреналина, все немного проясняется. Я практически голая около темной лужи, вылившейся из меня, лежу на грязном матрасе непонятно где. Сквозь виднеющийся свет, проталкивающийся из комнат, я могу хоть что-то рассмотреть. Поднимаю с пола вещи и быстро натягиваю на себя.

– Ты больная, Вин. Тебе лечиться надо, психованная идиотка! – кричит Рене.

– Да пошла ты, дура. Я не просила меня лапать, пока нахожусь в отключке. – Покачнувшись, больно ударяюсь об открывшуюся дверь. В нее вваливается парочка, видимо они такие же накачанные алкоголем, как и я некоторое время назад. Не знаю, сколько я провалялась, как кусок мяса, но как только низвергла из себя выпитое и глотнула колы, мне явно стало немного лучше. А может, это адреналин так влияет...

Не оглядываясь, шатающейся походкой я направляюсь к выходу. По пути меня толкают собравшиеся в честь дня рождения люди. Может, был прав Нокс, ведь компания действительно не самая лучшая и в спиртное легко подмешать всякую дрянь.

Пока иду по темным улицам города, вспоминаю нашу

первую встречу с Рене, произошедшую на парковке, когда еще Уиллоу была здесь и началась против нее провокация. Тогда мне показалось очень странным, что девчонка, одетая как гот, вылезла из своей супершикарной машины и смотрела в нашу с Уиллоу сторону. Мне было интересно, как к ней отнесутся другие ученики, но в какой-то момент она пропала из вида. Встретившись с ней в следующий раз, я первая пошла на контакт. Была настолько доверчивой и жутко хотела отделаться от Терренса Кинга. Идиотка в обоих случаях. Рене должна быть под запретом, как и все Кинги, которые встречаются на вашем пути. Огромная табличка с кирпичом «Туда проезд закрыт».

Усмехаюсь, Терренс Кинг умеет вскружить голову. Мы с ним провели вместе около года, периодически ругаясь, пока я не устала от собственной ревности и его предположительных измен. Он был со мной и не моим. Казалось, то, что у него в трусах, думает за него и он никак не может удержать его в штанах. Эти тихие встречи украдкой и постоянное напущенное отрицание того, что мы делаем во всех укромных местах. Он пытался всем показать, что спит со мной, я же не хотела позориться. И все было бы иначе, если бы он не обжигался с каждой встречной, а я не была дочерью прихожанки.

В каком-то смысле я сама виновата. Зная обо всех его воздыхательницах, закрывала на это глаза. Но его животный магнетизм, улыбка и ненавистная кепка сводили мое тело с ума. Стоило ему вытащить меня с урока и зажать в школь-

ном туалете, я готова была умереть от счастья, что он выбрал меня.

Останавливаюсь около одного из магазинов, мне нужна минутка отдышаться. Мои босые ноги уже должны источать кровь, ведь я, не разбирая дороги, неслась не пойми куда, забыв в том дурацком притоне обувь.

Терренс Кинг... Вот о чем я говорю, моя прошлая жизнь такая же странная, как и мои связи, я настолько во всем этом потерялась, что трудно разобрать, где настоящее.

К горлу снова подступает ком, и я сгибаюсь пополам. Слышу разъяренный голос моей матери, какая я греховная. Из меня выливается зло, которым я пропиталась. Захлебываюсь своей рвотой и хватаю жадно воздух, издавая при этом стоны отчаяния. Боже, я больше не стану пить, только бы прийти в себя.

Мимо проезжают машины, освещая меня огнями, и я понимаю, что с собой у меня нет документов и денег, если полиция загребет меня в каталажку, то вытаскивать приедет мать. А это не самая хорошая идея. На моем лице только исчезли следы ее ногтей после последних побоев, как и синяки. Я не хочу ее видеть, не могу больше испытывать боль каждый раз, когда она меня избивает всем, что попадается под руку. Следы от скакалки, которые рассекли мою спину, все еще резко отзываются в подкорках.

Отталкиваюсь от стены и иду в узкий промежуток между зданиями до того времени, пока не оказываюсь в тупике

между двумя огромными мусорными баками. Усаживаюсь на пол и глаза сами собой закрываются, но я чувствую себя намного легче.

Пару дней я смогла скитаться на деньги, которые взяла у Нокса. Чертовы дни с грязными постелями и сухими перекусами. Мой желудок ненавидит меня, мои ноги, тело, разум. Я ненавижу себя всю. Именно это и обещала мне моя мать, что однажды я сама залезу в петлю, когда наконец пойму, что я – отродье Сатаны, ничтожество, неспособное выжить в человеческих условиях. Бактерия, попадающая в воздух, разорванная его силой.

Я попыталась устроиться на работу. Сначала это было кафе, потом заправка, и везде необходимы мои документы. Все пинали меня, пока я снова не попросила о помощи Рене. Она помогла, предоставив комнату в подвале за последние отданные мной деньги и обещание, что, когда ее предков нет дома, я могу пожить за определенную плату. И что в итоге произошло? Как страшный сон, ставший явью. Интересно, проснувшись, я окажусь в чудесном месте или умру, как девочка в том рассказе про спички?

А ведь вполне могу закончить как все те, кто осмелился.

Я помню Люси, девушку из нашей церкви, ее выгнали, и она спрыгнула с моста. Она была так же одинока, как и я, после лишения общения у свидетелей, а все ее родственники, оставшиеся в секте, отвернулись. *«На одну погубленную жизнь существуют множество других, когда люди живут*

с болью длительное время и ежедневно». Сама природа психологического давления и избегания неугодных лидерам людей приводит к таким последствиям. Свидетели приравнивают нас к животным, где тактика выживания распространена среди стайных пород. Меня передергивает. Прикончить себя и оставить ее радоваться жизни, тому, что она выжила меня? Это точно не про меня.

Что бы на это сказал мой отец, увидев, во что я превратилась и где сейчас нахожусь? Я очень надеюсь, что придет время и все, через что я прошла, вернется к моему мучителю. И больше никогда меня не станут обижать так, как делала это она.

Спина все еще болит, но я пытаюсь устроиться так, чтобы не прикасаться теперь уже синюшными кровоподтеками к баку. Для опоры ставлю прямо ноги, надеюсь, никто не станет заглядывать сюда. Иначе они увидят пьяную девчонку, которая расположилась не в самой красивой позе. Последнее, о чем я думаю, – это вонь еды. Я и два мусорных контейнера. Мусор к мусору. Да, мама? Ведь именно так ты считаешь?

Глава 4

Терренс

Пустая трата времени.

Я обходил зал, наблюдая за тем, чтобы официанты успевали разносить последние заказы господ. Поправив ровный ряд папок с меню, я указываю на стол, где уже несколько минут сидит клиент с пустым бокалом. Девчонки еле передвигаются, но умудряются улыбаться, даже когда до закрытия остается совсем немного. После работы до последнего клиента в дешевой забегаловке мне уже был не страшен строгий распорядок дня в ресторане. Мне нравится этот запах свежей краски и новых скатертей. Конечно, мой шеф мог сделать все немного менее помпезным, столько золотого оттенка еще никто не выдерживал больше часа. Но это скорее относится к простому народу, нувориши и богатеи спокойно поглощают мизерные порции фуа-гра и не парятся из-за окружения именно такой цветовой палитры. Им лишь бы вовремя налили пойло и убрали салфетки, которые, к слову, тканевые. Вытирать лощеную морду шелком, не задумываясь, как потом бедная Маргарет отстирывает это дерьмо. Я очень стараюсь не делать вид, что из низшего сословия, и вполне сносно веду себя, даже когда начинается разбор полетов по по-

воду неправильного обслуживания. Это моя работа – молча все сносить и корректно решать проблемы персонала и клиентов.

– Терренс, он опять недоволен, – чуть не плача говорит Жардин, – достал уже. Постоянно садится за мой столик. Что я ему сделала?

Я заглядываю в ее усталое лицо, поджимаю губы, но уже заранее знаю, что сейчас начнется.

– Пойдем разберемся. Только ты спокойно стой, чтобы он не имел аргументов, – отвечаю ей, поправляю манжеты на своей белой рубашке, единственная роскошь, купленная с первой зарплаты в дорогом бутике. Галстук-селедка серебристого оттенка ошейником сдавливают горло, заранее предупреждая о неприятностях.

Мы подходим к клиенту, понурое настроение Жардин и потупленные в пол глаза. Она нервно сжимает поднос и тяжело вздыхает.

– Наклонитесь, мистер, – он внимательно читает бейдж, будто видит меня впервые, но это скорее для того, чтобы унижить, чем от беспамятства, – Кинг. Вы – менеджер зала, и я в который раз указываю вам на то, что ваша официантка не умеет подавать блюда. Ее манеры желают лучшего, снова подала мне вилку не с той стороны, а салфетки, – он трясет в двух пальцах ткани, которые насобирал около себя, не меньше пяти штук, – она их не забирает, я сижу здесь в этом хламе, а она делает вид, что меня нет.

Жардин уже пытается что-то сказать, но я ее перебиваю.

– Хорошо, мистер, я обещаю вам сменить официантку, как только вы придете к нам в ресторан в следующий раз. Обещаю, что наш работник получит выговор в денежном эквиваленте. – Резкий взгляд обиженных глаз, посланный мне маленькой официанткой, она еще не знает, что я задумал. – Вы почти закончили с основным блюдом. Давайте я все уберу и принесу вам подарок от нашего шеф-повара?

Мужчина недовольно сопит, но позволяет мне собрать его мерзкие салфетки и почти доеденный ужин. Жардин идет рядом со мной, когда мы возвращаемся.

– Плюнь ему в тарелку, – совершенно серьезно произношу я.

– Издеваешься? – удивленно спрашивает меня девушка.

– Нет, конечно. Отлично, я сделаю это за тебя, – ухожу в кухню и двигаюсь к холодильнику.

Наш шеф-повар уже давным-давно ушел, приготовив все блюда для раздачи. В холодильнике стоит порция легкого десерта со взбитыми сливками и мороженым, усыпанным фруктами. Это моя порция, которую я забыл с утра съесть. Она простояла целый день, и я почти уверен, он этого не заметит. Если посчитать, сколько съела эта сволочь и сколько дерьма он нам устроил, плевков – это жест доброй воли, особое отношение персонала к выродку. Достāju десерт и взбитые сливки, чтобы еще раз полить сверху.

– Тер, подожди, – в кухню забегают Жардин и, не спра-

шивая меня, плюет на десерт. Мои брови приподнимаются, я удивленно уставился на растекающуюся жижу, все еще встряхивая баллончик в руках.

– Прости, ты не собирался этого делать? – Я откашливаюсь, пытаюсь подавить улыбку.

– Вообще-то нет, надеялся на несварение желудка, и по текстуре тут больше подошел бы не плевков, но я сейчас не в настроении. – Она хлопает себя рукой по лбу и замолкает. – Ты уверена, что хочешь поделиться с ним своим кусочком ДНК?

– Мужик меня настолько задолбал, что я готова размазать все это по его роже, с условием, что меня не уволят и он больше не придет сюда. Есть варианты? – Она выхватывает баллончик, снова встряхивает его и поливает щедро сливками. – Даже если меня уволят, я, по крайней мере, больше не встречусь с этим убожеством. Какой с меня штраф?

– Да иди уже. Заканчивай с ним. Никакого штрафа, что я, деспот, по-твоему? Тебе и так есть нечего, – отправляю ее с кухни и думаю о том, какие женщины все-таки коварные. Так запросто плюнуть.

Выхожу из открывающихся дверей, становлюсь в проходе, привычно собрав руки на груди и созерцая мерзкую картину, как мужик сладострастно смотрит на отвернувшуюся Жардин, стоящую к нему спиной, и ест свой «особый» подарок. Он обращает внимание на меня, я приподнимаю брови и слегка ему киваю на приподнятый большой палец вверх. Да,

мужик, это вкуснейший десерт. Она тебя поимела, а ты даже не в курсе. Официантки проходят мимо меня одна за другой, давая понять, что они закончили, спрятавшись в раздевалке. В зале остаемся только я, Жардин и мужик, который никак не поднимет свою жопу со стула. Оставив на лице дежурную улыбку, я подхожу к Жардин и касаюсь ее плеча.

– Ты можешь идти собираться, за вами уже приехала машина, – тихо говорю около ее уха.

– Спасибо, Терренс. Я рада, что ты наш шеф, – пропускаю мимо ушей ее похвалу и снова поворачиваюсь к клиенту лицом.

Мужчина вытягивает руку и шлепает официантку по мягкому месту с сальной улыбкой. У меня чешутся кулаки, чтобы двинуть ослу при всех по морде после едва сдерживаемого всхлипа Жардин. Она и так уже натерпелась от этого уroda. Я выхожу на один шаг вперед, перекрывая обзор на ее спину.

– Эй, почему ты ее отпустил? Я еще не доел, – возмущается он.

Спокойно смотрю на часы, не отвечая ему, медленно иду к стойке, где находится кнопка. На всякий случай нажимаю экстренный вызов охраны. Может, хоть в этот раз у меня получится сделать все правильно. Девчонки, щебеча, как маленькие птички, выходят из раздевалки, машут мне на прощание, я же продолжаю отсчитывать секунды до того, как заступлю на свою новую работу.

– Эй, козел, я тебе еще раз говорю. Ты не смеешь ее отпускать, пока я не поем! – орет мужик, я расстегиваю манжеты. Пять...

– Я пожалею твоему шефу, ты будешь жить на помойке, мусор. – Четыре...

– Ты мне не молчи тут, и нечего делать вид, что меня здесь нет. – Три...

Стрелки на моих часах почти соприкасаются, снимаю галстук с шеи и расстегиваю верхние пуговицы на груди. Под стойкой беру рабочую форму и натягиваю, подвернув предварительно рукава. Уверенным шагом направляюсь к клиенту, все еще сидящему за столиком. Один...

Хватаю мужика за шею сзади и окунаю лицом в десерт, удерживаю его на месте, пока не вижу первый блеск си-не-красной мигалки. Клиент соскакивает и начинает размахивать своими клешнями перед моим лицом. Но он явно рос в семье с девочками, а не как я – с двумя братьями.

– Тяжелей своих крохотных яиц ничего не сжимал в руках? – дразню его, он надвигается на меня, пока я отодвигаю стулья в сторону, и припечатываю его к колонне единственным ударом в живот. Булькающий звук из его рта, и я спешно вытаскиваю свинью на улицу. Полицейская машина подъезжает к центральному входу, парни выходят, созерцая рыгающего в урну мужика.

– Здравствуйте, вы задержаны за нарушение порядка. Храните молчание, пока не приедет ваш адвокат. – На его

руках застегиваются наручники, второй полицейский уводит задержанного в машину под громкие возмущения, и я ухожу в сторону. – Этот придурок успел достать девчонку и здесь. Пора ему вклеить запрет на преследование, – насмехается парень. – Кинг, ты сегодня в охране до какого времени?

– В четыре придет Майлз, и я сдаю пост, – бьюсь кулаками с парнем.

– Я знаю про твою маму, очень жаль, старик. Если нужна помощь, ты скажи, – сочувствующе говорит парень.

– Хорошо, но пока ничего не надо. – Наши мамы учились вместе, и понятно, что городок маленький, о проблемах знает каждый. Как только я вступил в эту должность, был несказанно рад знакомому, мы договорились помогать друг другу в экстренных случаях. – Бывай, – прощаюсь с ним и захожу назад в ресторан.

Убираю беспорядок, который остался после клиента. Наша уборщица придет через несколько минут, чтобы завершить все в ресторане. Раньше наша мама вот таким образом выходила в ночь, чтобы убирать за всеми. Все эти посудомоечные машины и стиралки не справляются с наплывом. Та еще работка. Привычно собираю скатерти со столов и несу их в прачечную. Не знаю, что делают другие охранники, но мне не лень хоть немного облегчить сложную ночь Маргарет. Составляю подсвечники в ряд на стойке, ставлю стулья на столы и слышу тихий стук в двери.

– Прости, я немного опоздала. – Женщина возраста моей

мамы заходит в помещение, немного сторбившись. – Погода меня добьет, что-то совсем разыгрались магнитные бури. Ноги и руки крутит.

Она оглядывает прачечную и тут же рассматривает ска-терти, которые в этот раз более-менее чистые.

– Спасибо, что помог, но ты же знаешь, что это не обязательно. Я и сама справлюсь, просто мне для этого понадобится больше времени. Как мама? – Возвращаемся на кухню, и я сажусь на высокий стул, передо мной тут же появляется бокал с чаем. Женщина отворачивается к посудомоечной машине и заполняет ее стеклом.

– Я же на работе, телефона врача у меня нет. Майлз попросил его заменить еще на той неделе, решил сделать предложение своей девушке. Поэтому я не стал уже ничего менять. И деньги не лишние. Единственное, Чейз весь день один дома, хоть он и не маленький, немного переживаю, –двигаю стакан с горячим напитком из стороны в сторону.

– Ну, он уже не малыш, ты прав, разогреть ведь сможет себе, да и ходунки помогают передвигаться. Он уже начинает ходить, дай ему время. Не переживай, все переменится. Еще немного – и все встанет на свои места. – Я встаю и подаю Маргарет грязные тарелки, с которых она начинает смывать пищу в раковине.

– Привычка, наверное, за всех переживать. Не помню, чтобы я был таким нежным раньше, – горько усмехаюсь.

– Да ладно тебе. Здоровый парень, голова на месте. По-

мощь тебе нужна. Если бы хоть один из моих детей был наполовину таким, как ты и твои братья. Они слоняются по улице и просят бесконечно деньги, – с сожалением произносит она. – У твоих родителей есть секрет воспитания?

– Любовь и забота, никаких секретов, – отвечаю я. На столе передо мной лежит телефон, на нем высвечивается имя девушки, и я поднимаю трубку.

– Тер, ты, как закончишь работу, можешь забрать меня? – голос Карины вперемешку с громкой музыкой слышу с трудом. – Как всегда, буду здесь до того времени, пока ты работаешь. Потом мы можем зависнуть вместе.

Я не очень люблю пьяных девушек, сам не золотой. Но хватило школьных вечеринок, где все напивались до свинячьего состояния и кидались в истерику. Карина тоже по пьяни входит в черный список, ее гнусавый и немного писклявый голос действует как катализатор.

– Вызови такси и езжай домой, – устало говорю ей.

– Ой, да не ревнуй, я с девочками.

В некотором ступоре я отодвигаю телефон и удивленно смотрю на фотографию шатенки.

– При чем здесь ревность, Карина? Я отработал двадцать часов и должен забрать пьяную подружку из клуба, потом доставить на порог дома, доказать папаше, что все отлично и ты хорошая девочка. Я, по-твоему, кто? Рыцарь? Иди, пропись, Карина, – резко отвечаю я и отключаю вызов.

– Зачем ты с ней связался? – спрашивает Маргарет, по-

вернувшись ко мне лицом и уперев руки за своей спиной в края раковины.

– Стечение обстоятельств. Одному тяжело, – коротко отвечаю я.

– Нет, Терренс, это не стечение, а старание угодить всем. Она дочь твоего работодателя, нашла хорошего парня для прикрытия, а тут еще твоя мама хотела, чтобы ты остепенился. Тараканы в твоей голове устроили бунт... Я очень надеюсь, что она не втянет тебя и ты не лишишься работы по ее глупости. – Сжимаю челюсти и начинаю жевать внутреннюю часть щеки. – Она бестолковая, Терренс, до ужаса. Я не встречала более легкомысленной барышни. Да и рабочие поговаривают, что она...

– Я не хочу обсуждать ее за спиной. Как собеседник и друг она очень подходящая кандидатура. Я вечно занят либо на работе, она мирится с этим. Ее отец не имеет к этому отношения. Кроме того, я сразу сказал, что разграничиваю работу и личную жизнь, – признаюсь женщине.

– И ты думаешь, ее отец поверит, если ты скажешь ему о том, что не хотел ее обижать, если она вдруг пожалуется? – Женщина указывает на меня тряпкой для вытирания стола. – Она утащит тебя на дно и, когда тебе действительно будет хорошо с девушкой, устроит трепку. Прекращай душить, тебе не друг нужен, а любимая. Та, которая станет верной помощницей. Придумал тоже, собеседник и друг... – проходит мимо меня и точно так же, как моя мама, бьет меня чи-

стым полотенцем по затылку. – Ты хороший парень, Терренс Кинг, но не смотришь в будущее. Поищи еще работу, имей козырь в запасе, чтобы если вдруг пришлось бежать, то было бы куда. А теперь спать быстро, я разбужу, как буду уходить.

Складываю перед собой руки и кладу на них голову, едва касаясь столешницы носом, я кемарю вот так в полусогнутом состоянии. Усталость, с которой я в последнее время смирился, сражает меня наповал, стоит мне закрыть глаза. Но и тут привычка чутко спать помогает не погружаться полностью, я прислушиваюсь к тихим шагам, звуку мокрой тряпки, которая моет пол, всплеску воды, составлению стульев и даже взмаху новой скатерти, которую застилают на поверхность стола. Тихо открывается дверь, и я приподнимаю голову. В помещении появляется Майлз, кладет свою спортивную сумку на соседний стул и наливает себе кофе. Медленно снимаю рабочую форму и надеваю свою немного помятую рубашку.

– Спасибо, с зарплаты отдам за все смены. – Он кидает мне мои ключи, и я их ловлю. – Маргарет, там за вами приехали. Можете отправляться все домой.

Кажется, еще вчера я стоял за стойкой в обычной бургерной, где моя одежда вечно пахла булками и жареными котлетами. Иногда от этого запаха тошнило, но мы очень хотели помочь Хантеру попасть в университет. Я всегда думаю, насколько судьба иронизирует над нами. С такой фамилией Кинги обязаны купаться в золоте и баксах, а мы никак не вы-

беремся из дерьма. Хорошо еще, Хантер не понял, что деньги на учебу – наши. Мои, Чейза и мамы. Мистер Чемберс ничего нам не давал, пришлось прибегнуть к маленькой лжи во благо. Хант не поехал бы к Уиллоу, скажи мы ему, что выгребаем из дома все до последнего. И это хорошо спланированная акция доброй воли в благодарность ему за все, что он для нас сделал. Все-таки лучшее, что привили нам родители, – это любовь к семье. Нашей осиротевшей на одного человека, но очень дружной, любящей семье... С грустью я стараюсь выкинуть из головы воспоминания о нашем отце.

Теперь, спустя год, ресторан «Максимум» – и я его верный менеджер, белая наглаженная рубашка, подержанная машина и стабильные, но по большей степени платонические отношения. Поцелуи, объятия, ну и хватит...

О чем я? Об отношениях, если их можно назвать таковыми. Эти бесконечные наезды моего старшего брата и его девушки к нам домой спровоцировали меня задуматься о постоянной партнерше. Если уж Хантер и Уиллоу вместе, чем я плох? В Карине я увидел в первую очередь человека без претензий, она не обижалась, не была навязчивой и не требовала лишнего. Раньше меня не особо заботило подобное, сейчас хотелось обычных человеческих отношений, с конфетным периодом. Немного напрягают походы по ночным клубам с девочками, потому что приходится врать ее отцу о местонахождении или, того хуже, ехать за ней. Хотя меня и это пока устраивает, я же еще не собираюсь жениться... Не

на ней, по крайней мере...

Что еще? Практически завязал со спиртным, научился контролировать степень опьянения и уже не помню, когда в последний раз напивался в хлам. Я сам удивлен этим переменах. Стараюсь соответствовать новому статусу. Поправляю манжеты на рукавах и надеваю вельветовый пиджак на плечи. Отключаю свет в помещении и выхожу на улицу.

Шорох позади меня заставляет оглянуться и выставить одну руку вперед в защитном жесте. В крошечной темноте поздней ночи я вижу очертания сгорбившейся фигуры, спящей между мусорными баками. Вытаскиваю смартфон из кармана и включаю фонарь. Сначала я вижу белоснежную стройную ножку, вытянутую вдоль бордюра, она немного согнута в колене, короткая юбка едва скрывает оголенные участки кожи. Затем длинная красная прядь волос, в голове сразу возникает образ, кто еще мог бы обладать этим телом, если бы не...

– Убери фонарик от моего лица, – невнятно выговаривает девушка.

– Что ты тут потеряла? – убираю фонарик, прежде заметив, что она почти голый пятой точкой сидит на грязном асфальте.

– Сегодня никто не тусует. Мне некуда идти, решила передохнуть. Эй, ты что делаешь? – Она тычет в меня пальцем, встает и пьяно шатается из стороны в сторону. Мне приходится держать ее крепко за руку.

– Помогаю тебе. – Понятия не имею, где ее черти носили, спиртным от нее несет так, словно ее окунули в бочку с дешевым виски. Девушка произносит что-то нечленораздельное и, споткнувшись, падает на потертую кожу автомобиля навзничь. Заталкиваю ее и с опаской захлопываю двери, все еще боясь того, что она двинется и тогда я переломаю ее длинные ноги.

– Не такая уж и пьяная, просто голова трещит. О, а ты симпатичный. – Девчонка приподнимается на сиденье, облачивается на дверь и полностью разворачивается ко мне лицом.

Я улыбаюсь, вспоминая, какая она была злючая и как так вышло, что наши пути разошлись...

– Ты тоже не очень изменилась. Только память стала подводить, по всей видимости. – Ее внешний вид желает лучшего, но я тоже не был идеален в таком состоянии.

– Терренс Кинг? Да серьезно? Долбанный Терренс... заноза Кинг! – кричит она слишком громко.

– Он самый, детка, – сжимаю крепко руль и искренне улыбаюсь ее радости.

– Это же просто издевательство. Ты был потерянным щенком, когда мы встретились, и не давал мне прохода. Теперь я превратилась в этого щенка...

– Надеюсь, ты не станешь вешаться на меня, – шучу я.

– Да кому ты нужен, Терренс?! – Винни пьяно падает на сиденье сзади, откидывает голову назад и глубоко вдыхает

воздух.

– Не блевать, детка. – Она резко делает выпад, и ее тело появляется между сидений.

Маленькая попка, облаченная в черные трусики, висит перед моим лицом, стоит мне немного придвинуться, и я окажусь между ее ног. Винни лезет через сиденья. Громко откашливаюсь и подталкиваю ее, чтобы она наконец прекращала вертеть передо мной этим местом. Винни ударяется головой в лобовое стекло, затем изгибается и плюхается на соседнее кресло. Я внимательно смотрю на ее растрепанные волосы, покрытую пыльными пятнами кофточку. Размазанная тушь, темные круги под глазами, губы, которые...

– Тебе Карина звонит. – Я с трудом отвлекаюсь от нее и проворачиваю ключ зажигания. – Значит, есть подружка?

– Есть, – сухо отвечаю я, давя на педаль газа. – Я помню твой адрес, отвезу домой.

– Я больше не живу там. – Девушка прищуривает свои глаза. – Хорошо, что пароль все тот же... Я могу позвонить?

Она снова и снова скидывает вызов Карины, продолжает лазить в моем телефоне.

– Я вообще душка. Пароль менять не было надобности, его знала только ты. – Она хмыкает, и я решаю добавить: – Ты его и поставила. Что с телефоном? – Она пожимает плечами. – Валяй звони. – Останавливаю машину на светофоре, делаю вид, что меня не интересует, с кем она говорит, не волнуют ее оголенные части тела, а также то, в каком она

состоянии.

– Эй, Нокс, как насчет того, чтобы зависнуть у тебя? – дует на свою грязную ладонь, морщится и затем вытаскивает несколько подушечек «Орбит» из моего подлокотника. Я усмехаюсь ее наглости, не так много времени прошло, чтобы она настолько изменилась. – Окей, с тебя выпивка и номер. Скоро буду.

Сзади раздается пронзительный визг тормозов, звук сигнала, один, затем еще несколько.

– Похоже на съем. Ты продаешь себя, Винни? – у меня ком в горле застрял, а она засовывает в рот подушечки и громко хлопает надутым шаром жевательной резинки.

– Сделай мне одолжение, высади через улицу – и будешь наслаждаться своей новой красивой жизнью. – Она отворачивается от меня.

– Я уверен, что могу помочь. Если ты позволишь... – останавливаю машину там, где она сказала. Двери все еще заблокированы, не знаю, как объяснить, но хочу, чтобы она еще раз подумала, прежде чем уйти от меня. Винни медленно оглядывается, в свете фонарей я отчетливо вижу ее впалые щеки, неаккуратный макияж и грусть в глазах. Улыбка едва касается ее пухлых губ, она, кажется, хочет остаться, но в этот момент в окно с той стороны стучат, и девушка мгновенно меняется в лице.

– Ты и тогда был уверен, что порознь нам будет лучше. Посмотри, в кого мы превратились? Одному из нас явно луч-

ше. — Она самостоятельно снимает блокировку на двери и выходит из машины. В следующую секунду буквально падает в объятия мужика, который на вид старше нас лет на двадцать. Мужик годится ей в отцы. Нет, он не наркоман и не бомж. Нормальный папик, и это чертовски неприятно. Пара начинает двигаться по улице, а я все еще не могу взять себя в руки и унять мгновенно воспламенившиеся эмоции, те, которые, казалось мне, давно забыты.

Глава 5

Винни

Греховное влияние.

Я старалась не оглядываться на машину Терренса. Встретить его в такой унижительной ситуации, делать вид, что все так и должно быть. Будто меня устраивало то, что я выгляжу как последняя нищенка, доедающая крохи со стола подающего. Бродяжка, пьяная уличная девка... Хотя, наверно, так и есть. Нокс именно это и испытывает, когда я каждый раз обращаюсь к нему за подачкой в обмен на разовый бездушный секс. Рука все сильнее сжимает мое плечо, я молча иду прочь от парня, который сейчас, возможно, станет свидетелем сцены.

– Ты украла у меня деньги в прошлый раз, – грубо говорит мужчина, останавливает меня, но я упрямо иду вперед. – Винни, я к тебе обращаюсь.

– Считай, это налог за услуги. Мы можем поговорить об этом позже, – отстраняюсь и не жду, когда он продолжит этот нелепый разговор.

– Когда ты наконец протрезвеешь и возьмешься за ум? Ты же обещала побыть у друзей. – Нокс дергает меня за руку и разворачивает к себе лицом. – Ты видела себя в зеркале?

Одежда висит на твоём теле, юбка перекручена, будто ты в машине не только разговаривала с этим парнем.

– Что ты причитаешь, как старик. Заладил «друзья... пьешь». А по поводу парня, который меня подвез, даже если и так, тебе какое дело? Будто ты здесь не для того же, – залезаю к нему в карман, пальцами вытаскиваю упаковку презервативов и выставляю перед его лицом. – Или ты собрался устроить праздник по надуванию шариков?

– Я сделал так, как ты сказала. Приехал! – В его глазах все еще полыхает гнев.

– Ага, а резину дали на сдачу? Ты такой послушный стал, даже смешно, – нагло усмехаюсь и все-таки оглядываюсь на машину, которая теперь двигается медленно в нашем направлении. – Пойдем отсюда.

– Я просил тебя вести себя нормально? Сказал же, что скоро все решу, но тебе интересней мотать мои нервы.

– Нокс, есть такое понятие «здесь и сейчас», твое «скоро» не работает! Хватить травмировать мозги, пошли уже, я дам тебе то, зачем приехал. – И выплусь, вторит мое подсознание.

– И потом сбежишь к друзьям. Нет уж, сейчас мы решим раз и навсегда наши проблемы. – Он хватает меня снова за локоть и начинает толкать в темный переулок к стоянке.

– Нет, я домой не поеду! Не смей! – Толчок, и меня уже тащат босую по мелким острым камням прямо к парковке.

– Эй, недоносок. Ты ничего не перепутал? – Я, с одной

стороны, рада, но с другой – сейчас, зная Терренса, начнется беспредел.

– Тер, иди, я справлюсь. Поезжай своей дорогой, мне не нужны спасители, – стараюсь оторвать пальцы Нокса от своего локтя, бью по нему свободной рукой.

Шаги за моей спиной только усиливаются, и в один момент я оказываюсь лежащей на асфальте рядом с Ноксом. Кулак Терренса настигает мужчину без какого-либо предупреждения. Он наносит серию ударов намеренно по лицу, чтобы тот не успел встать. Больно ударившись коленями, я отползаю от парочки, дерущейся на улице в одном из самых тихих районов города. В темноте мелькает что-то, нахожу предмет и довольно улыбаюсь, может даже не все так плохо. Бумажник Нокса, то, что нужно. Беру его и поднимаюсь на ноги. Камни снова впиваются в ступни. Рассматриваю вялые попытки отбиться от Терренса, кривлю губы. Да уж, зря Нокс решил вот таким способом меня привлечь к праведной жизни.

У судьбы всегда есть свои покровители – удача или какая хрень?! Засовываю руки в карман узкой джинсовой юбки и ухожу назад в том направлении, в котором шла. В свете фонарей раскрываю портмоне, отсчитываю деньги, документы, карточка, все так жиденько, и на глаза попадается листочек с паролем. Конечно, я хочу воспользоваться ее услугами, но в этом случае Нокс сможет меня привлечь к ответственности через полицейский участок. Ближайший банкомат соблазни-

тельно предстает передо мной, и я едва сдерживаю себя, чтобы не нажать заветные кнопки.

Громкие шаги за мной спиной, и я замираю.

– Решила сбежать, пока я чищу морду этого ублюдка? – Тело расслабляется, это всего лишь Терренс.

– Да ладно, это было не так уж и сложно. Что там бить-то? Просто размялся, теперь можешь сесть в машину и ехать к своей подружке, – щурюсь, чтобы прочитать код от карты, которая уже проникла в банкомат, я даже не заметила, как сделала гадость.

– Это же не твоя карта. Ты воровка, Винни? – Терренс перегибается через меня и вытаскивает карту, затем выхватывает пустое портмоне и трясет им перед моим лицом. – Какого черта ты делаешь?

– Воровка... Снимаешься... Клуб добряков, не иначе. А тебе не все равно? Выживаю я, – подпрыгиваю и пытаюсь ухватиться за карточку высоко над моей головой.

– Но не таким же способом! – Он разворачивает меня на манер Нокса за локоть, будто боится испачкаться, и тащит в сторону своей машины. – Я отдам ему его вещи при первой возможности, а сейчас домой.

– Я не могу домой, Тер. Говорила же и ему, и тебе. НЕ МОГУ! – кричу я. – Пусти, я пойду к нему, извинюсь и соглашусь на его условия.

– Да какие, к черту, условия? – Я вскрикиваю, и он наконец поворачивается. – Где обувь твоя?

– Иди ты! Отвали от меня! – Грубо отпихиваю его от себя и иду мимо машины.

– Слушай, уже поздняя ночь, я только что, возможно, ввязался в неприятность, а ты морочишь мне голову. Сядь в долбаную машину и нормально расскажи. Подумаем вместе. Только жду положительный ответ три секунды и заталкиваю тебя самостоятельно. – Я даже не успеваю сообразить, он открывает двери и толкает меня на переднее сиденье. – Два. Я предупреждал.

– Блин, Тер, – шиплю, снова ударяясь об металл израненными пальцами.

Он оббегает машину и садится на водительское кресло. Предварительно заблокировав двери, выезжает на дорогу, крутится между зданиями, постоянно петляя, как если бы за нами гналась полиция. Я, уже изрядно вымотанная его манипуляциями, отдираю маленький кусочек кожи, слезший с подушечки большого пальца, задираю ноги на панель перед собой.

Рассматриваю, есть ли кровь, может я, как Иисус, шла по тернистому пути и резала их. Но нет, синяки и крошки от мелкого песка, кожа не считается, назовем это мелкой неприятностью в сравнении с побоями и ранами в душе. Машина останавливается, меня немного покачивает, и я убираю ноги. Уставившись перед собой, Терренс стучит большими пальцами по рулю, жуя нижнюю губу, как он делал это всегда в школе. Я разворачиваюсь к нему, подложив под себя ногу

для удобства.

– Ну, давай, «Джейсон», где твоя электропила, чтобы распилить меня на части? – Он поворачивается ко мне с серьезным выражением лица, его глаза кажутся черными и мрачными. Секунды между нами превращаются в минуты, повисают в тишине салона. Все звуки мира исчезли, осталось лишь только наше дыхание. В какой-то момент Терренс переводит взгляд на мои губы, и я начинаю против воли улыбаться, он делает то же самое.

– Ты плохая девчонка с улицы. Ты стала той, кем я был в прошлом. – Я издаю дурацкий звук, совершенно мной забытый за время, когда он исчез из моей жизни.

– Ты тоже был несносной плохой девчонкой? – Он смеется, откидывает голову на подголовник и внимательно смотрит на меня.

– Да ладно тебе, ты знаешь, где у меня находится член. – Теперь я точно узнаю моего бывшего по наглой ухмылке и грязным словечкам.

– Все такой же грубиян. Я уж думала, ты превратился в жеманного мальчика, который торчит от идеи быть с одной и той же подружкой до скончания своих веков. – Он приподнимает свои густые четко очерченные темные брови, давая мне повод засомневаться в сказанном.

– Ладно, это опять твоя придурочная мамаша... Ты уж не обессудь, но я все еще не перевариваю ее. Твои босые ноги меня впечатляют, извини, мой размер будет явно тебе вели-

коват. – В подтверждение он приподнимает ногу и показывает гигантскую кроссовку.

– Это многое объясняет. Но есть теория, что большой нос... – Он цокает, пресекая мои дальнейшие размышления на этот счет. – Почему ты не уехал сразу, как только я вышла из машины?

– Я собирался, потом позвонила моя подружка и попросила забрать ее чуть позже. – Я недоверчиво перевожу взгляд на часы, встроенные в панель. – Она все еще тусуется, – скомканно отвечает Терренс.

– *Греховное влияние*, – тихо говорю я. Люди убивают время, предназначенное для отдыха в клубах, поддаваясь соблазнам. – Какие интересные современные отношения...

– Ты любитель бормотать. – Его телефон начинает звонить, он непонимающе смотрит на номер. – Отвечу на звонок и вернусь, тогда решим, как поступить дальше. Попробуй за это время сформулировать внятный ответ, что с тобой делать. Мне хотелось бы точно знать, что я не ошибаюсь в своих догадках. – Парень выходит из машины, оставляя меня один на один в салоне со своими сгущающимися тучами-мыслями.

Я наблюдала за его поведением, то, как он постоянно трепал свои волосы, пинал несуществующие камни с пути и размахивал руками. Разговор явно не приносил ему удовольствия, но он пытался доказать что-то оппоненту.

Я помню, как мы постоянно препирались, и, когда нако-

нец оба были согласны с мнением, наши лица озаряла счастливая улыбка. Нам всегда была приятна наша вражда, и ругань по-своему заводила. Терренс поворачивается лицом к машине, стоя прямо напротив включенных фар, прищуривает глаза и смотрит на меня. Я наслаждаюсь тем, что вижу. Возмужавшая и без того огромная фигура парня, темные волосы и красивое лицо. Вот такой он, Терренс Кинг, красивый зеленоглазый искusstель, покоритель женских сердец и соблазнительный герой женских романов. Длинные черные ресницы делают его взгляд еще выразительнее, они, словно с поволокой, обещают море наслаждения. Я слышала выражение «ласкать глазами», но только Терренс действительно мог это делать. Тяжело сглотнув, я отворачиваюсь и смотрю в темные переулки домов, в машине, конечно, хорошо. Но сейчас надо объяснить ему ситуацию, не вызывая при этом жалость. Другие девчонки давно бы уже включили режим жертвы, но меня это не устраивает. Я хочу уважения к себе, даже не смотря на то, свидетелем чего он стал.

Может казаться, что меня вполне устраивает подобная жизнь, хотя какой идиот пожелает себе скитаться с квартиры на квартиру с сомнительными персонажами? Только бестолковый человек. Я вроде как считаю себя адекватной, но пока не могу ничего изменить в своей жизни, постоянно повторяю себе, что это временно.

Дверь машины захлопывается, принося с собой приятный аромат мужского одеколona. Терренс раздраженно про-

водит по волосам ладонью, ему явно не хватает его бейсболки. Подсчитываю в уме, сколько мне надо на квартиру, и...

– Так, давай-ка выворачивай карманы. – Он вытягивает руку вперед и ожидает.

– Я ничего у тебя не брала, – возражаю я.

– У меня нет, у того мужика – да. В данный момент он вычислил меня по номеру машины и требует, чтобы я отдал ему то, что взяла ты. И тебя бонусом. – Я хмурюсь.

– Ты блефуешь! – возмущаюсь, когда он нагло залезает в карман моей юбки и рыщет, перетягивая меня на консоль. – Я ничего не отдам.

– Тебе же хуже. У меня есть для тебя предложение. Все не так сложно, если ты наконец включишь мозги. Смотри, он хочет тебя и свои деньги. В данный момент чувак через кого-то пытается найти нас с тобой, и потом мы сядем за решетку на несколько суток. Мне туда нельзя по нескольким причинам. Первая – моя мама, которая в больнице. Вторая – Чейз, который только начал ходить, а я вечно лажаю, и последняя – моя работа, за которую я, кстати, очень держусь. Теперь ты. Первое, что ждет тебя, – это мать, от которой ты уверенно убегаешь, двойное воровство и человек, который тебя ненавидит. Жизнь на улице намного лучше, чем каталажка, да? – Он вытаскивает маленький сверток денег и вкладывает в коричневое портмоне.

– Ты понимаешь, что я сдохну без этих денег на улицах города? – рассерженно говорю ему, но протягиваю ему день-

ги. – Он может еще заработать.

– Как и ты, – упрямо говорит парень, заводя машину.

– Мать не отдает мне документы. Я хотела выкупить поддельные, чтобы найти работу! Думаешь, меня устраивает находиться без связи и средств для существования?! – кричу я на него.

– Я тебе еще раз говорю, что заработаешь. Я предоставлю тебе такую возможность! – орет он в ответ.

– Да ты сам-то можешь себя прокормить? Насколько я тебя помню, ваша семья была не богаче церковной мыши. – Он резко тормозит, его подбородок напряжен, губы с силой сжаты, холодный блеск зеленых глаз отражается в темноте ночи.

– Моя семья пусть и не богаче церковной мыши, но она любящая и честная, то, чего не было у тебя. И именно поэтому я и моя семья поможем тебе. Чтобы ты раз и навсегда поняла, что деньги – это не самое главное в жизни. А честно заработанные деньги расходятся обдуманней и правильней. Выходи, – указывает мне на двери. – Вот ключи, моя комната вторая направо. Постарайся не разбудить Чейза. Когда я вернусь, чтобы на столе стоял завтрак для него.

Сощутив глаза, я вижу знакомый номер, засветившийся на его телефоне.

– Ты от него все узнал, так? – шиплю я.

– А там и узнавать было нечего, ты прожигаешь свою жизнь. Хватило одного взгляда на мужика, который тебе годится в отцы и который является кому-то отцом, – открыва-

ет мне дверь, перегнувшись через консоль, и толкает в бок. — Я встречусь с ним и вернусь.

— Зачем тебе это надо? — спрашиваю его, уже практически покинув машину.

— Мы, нищие, жутко гордые и честные, — отвечает он и трогается с места, как только за мной закрывается дверь.

Мне ли не знать, с горечью думаю про себя. Я ведь тоже росла в обычной семье, до определенного времени любящей... Желчь выграла во мне оттого, что Терренс ворвался в ход событий моей жизни и вот так все просто обсудил за моей спиной, поставив в известность подобным способом. По крайней мере, у меня есть сегодня дом, где я могу поспать за определенную плату, и это не секс.

Я открываю деревянные двери очень тихо и по памяти иду по узкому коридору в ванную комнату. Испугавшись отражения в зеркале, скидываю с себя вещи и становлюсь под душ. Ванная комната выглядит как и год назад. Поправляю душевую шторку, беру один из флакончиков с надписью: «Шампунь» и мою голову. Розы, запах такой завораживающий и сильный, наверное это косметика их мамы. Натираю тело руками, не воспользовавшись чужой губкой, и смываю. Тщательно отжимаю волосы. Горячая вода обожгла мою нежную кожу, но я чувствую себя в безопасности, абсолютно умиротворенной и счастливой. Отодвинув шторку, я хватаюсь за сердце, тяну на себя ткань и усаживаюсь в ванную.

— Ах-ах, вот это встреча, одуванчик. Я думал, другая де-

вушка вернулась, и проснулся. — Чейз стоит, опираясь на ходунки в проеме широко распахнутой двери.

— Твою же мать! — Я набираю полные легкие воздуха раз за разом, от горячего воздуха и испуга у меня темнеет в глазах. — Ты напугал меня, поганец.

— Да ладно тебе, что я грудь не видел? Хотя немного другого размера, но твои тоже красивые. — Я направляю на него палку-держатель и толкаю в плечо, он смеется, но не уходит. — Да ладно тебе, Винс, зато я полотенце принес.

— Не смешно, сопляк. — Он помещает полотенце на палку, что съезжает ко мне по траектории, и я показываю ему, чтобы отвернулся.

— Это займет кучу времени, я просто закрою глаза, если тебе так будет комфортней. И я младше всего на год, — с насмешкой произносит он.

— Иди ты, Чейз, — кутаю свое тело и выхожу из ванны. — Давай шевели булками, хватит стоять на проходе.

— Эй, я еще плохо хожу, — возмущается, но я наблюдаю, как он перебирает ногами со скоростью черепахи.

— Соберись, тряпка, ты же Кинг. Вы же ненавидите жалость, а я уже начинаю переживать, как бы не пришлось тащить твою тушу на себе, — подтруниваю над ним, на удивление он сжимает челюсти и хватается за косяк. Его действия становятся немного точнее и быстрее.

— Я тебя возненавижу, одуванчик, пока ты будешь отбывать здесь срок, — бубнит голубоглазый брат Терренса.

– Чего? – обхожу его и преграждаю ему дорогу.

– Я говорю, что голая Винни – это не последний эпизод в нашей совместной жизни. – Он напрягает руки и тихонько проходит в комнату, на ходу включая везде свет. – А теперь завтрак его величеству.

Глава 6

Терренс

Необходимо оставаться незапятнанным миром.

Я не очень понимал, что делаю в этом месте, выбранном для встречи. Старбакс все еще принимал посетителей, но вместо людей в душном пространстве были активными разве что мухи. С особой тоской я посмотрел в сторону подсобки, где, помнится мне, есть место для сна. Устало растирая уставшие глаза, я отмахиваю от себя наглое насекомое и отпиваю горячий кофе. Девушка за кассой, вопросительно посмотрев на меня, развернулась и ушла в глубину зала, чтобы снова протереть столы. Я кажусь ей придурком, одетым в уже грязную рубашку в столь ранний час и пришедшим за дерьмовым напитком. Хрустнув пару раз шеей, растираю ее и ожидаю мужчину, который опаздывает уже на двадцать минут.

Не понимаю, почему он парится из-за каких-то никому не нужных двухсот баксов и карты. Мы только встретились с Винни, и она уже приносит неприятности. С другой стороны, она спасла меня от очередной глупой поездки в виде извозчика для Карины. Звонок этого Нокса на мой номер практически выбил меня из колеи. Откуда он все знает обо

мне, тем более что мы встретились с ним только мельком? Даже мои старые друзья не смогли бы так быстро вычислить все о человеке по номеру машины. Догадки появились сразу, и я, естественно, не стал с ним спорить и препираться. Я слишком раздражен и вымотан этим длинным и муторным днем. Вспомнив ребят из охраны, я хотел было обезопасить себя звонком, но что-то тормозило. Может, это из-за того придурка, который доводил Жардин? Подстава от толстосума. Я бил морду и раньше, но вот такие встречи «после» мне еще никто не назначал.

Выпиваю до последней капли кофе и хочу заказать еще один, но вид девчонки, едва держащейся от усталости на ногах, останавливает меня от подобной просьбы. Стучу большим пальцем по циферблату на руке. Если мужик решил таким образом меня наколоть, я сам его найду и настучу по голове. Двери открываются, и в кафе заглядывает тот самый человек и по-хозяйски поднимает руку, чтобы кассир была свободна. Я удивленно тру переносицу ободранными пальцами и наблюдаю за расслабленной походкой неизвестного мне человека.

Он отодвигает стул, приподнимает куртку, освобождая пятую точку от ткани, и садится на него, противно придвигая к столу. Крупные ладони сцепляет в замок и смотрит мне в глаза, я делаю то же самое, выдерживаю несколько минут, после чего принимаю его позу.

– Значит, так, Терренс, – говорит мне мужчина, – будем

знакомы, я Дастин Нокс.

– Для вас я мистер Кинг. А теперь ближе к делу. Это вы на пенсии, и вагон, тянущийся за вами, является прожитым временем. У меня его точно нет, я только начинаю учиться его распределять. – Мужик усмехается, в его глазах появляется уважение.

– Я сейчас должен оправдаться насчет своего возраста? – спрашивает он.

– Да мне пофиг. Просто давайте обойдем прелюдию и приступим к основной части, там, где взрываются фейерверки и летят шарики в воздух. – Я откидываюсь на спинку стула и подтягиваюсь.

– Она сейчас у тебя дома, – он не спрашивает, и меня это немного напрягает.

– И что вам до этого? – грубо отвечаю я.

– Только то, что теперь ты ввязался в очередную передрагу и знай заранее, останешься в ней до конца. – Он достает кожаную штуку, к которой прикреплен жетон ФБР. – Убедил?

– Не особо, я не из впечатлительных. – Он начинает ковыряться в телефоне, я кладу на стол его портмоне и карточку, громко щелкнув ими по пластиковой поверхности.

– Может, это повод зачислиться в полицейскую академию вместо того, чтобы вызывать друзей для освобождения клиента из здания. – Он поворачивает ко мне телефон. – В общем, смотри, на тебя лежит вот такое заявление о превыше-

нии полномочий и нанесении тяжких увечий. – Я щурюсь. Кажется, только что он меня сделал.

– Я не избивал его, вытолкнул. Увечий не получила даже мебель, не то что рожа этого шакала. Это была самозащита. – Он качает головой и криво усмехается.

– Это вряд ли играет в твою пользу. Даже то, что ты не отключил камеры наблюдения, следовал в рамках своей ночной работы охранником. В любом случае это не выглядело как самозащита. Человек с деньгами, и мальчишка, похожий на неприятность, без финансов и влиятельной родни ничего не сделает. Но если ты пойдешь мне навстречу, сыграешь на некоторых струнах, я все замну. – Я сжимаю переносицу от мгновенно распространяющейся головной боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.